

Сергей Н. Черняев

Судьба уроженки г. Петроков Александры Николаевны Закутиной (Ногиной, Флоринской)

Piotrkowskie Zeszyty Historyczne 15, 81-95

2014

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Сергей Н. Черняев
(Нижний Новгород, Россия)

**Судьба уроженки г. Петроков
Александры Николаевны Закутиной
(Ногиной, Флоринской)**

Александра Николаевна Закутина – женщина с непростой и интересной судьбой. Отчасти в этом виноваты исторические события начала XX века в России, отчасти – идеалы, которым она следовала большую часть своей жизни. Эта женщина не раз в сложнейших ситуациях проявляла необыкновенную волю и решительность и тем самым спасала близких ей людей. Очевидно, ее судьба – лишь одна из многих малоизвестных судеб сильных женщин начала XX века, чья энергия в силу обстоятельств была потрачена главным образом на защиту и поддержку собственной семьи.

Она родилась в Петрокове в 1881 году. К сожалению, мы располагаем довольно скудной информацией о семье Александры Николаевны. По воспоминаниям Зои Алексеевны¹, дочери Александры Николаевны, семья владела каким-то поместьем в окрестностях города, но точно этого утверждать нельзя. Пишет Зоя Алексеевна и о том, что Закутины были дворянами, но подтверждения их потомственному дворянству тоже пока не найдены. Может быть, личное дворянство было у отца Александры Николаевны, Николая Ивановича. На момент ее рождения и до 1884 года

¹ Воспоминания Зои Алексеевны Флоринской – это несколько машинописных переплетенных книг, которые состоят из нескольких написанных в разное время частей – «Быль жизни», «О моей маме Александре Николаевне Ногиной», «Воспоминания об отце» и других; а также статей в разных изданиях и отзывов читателей. Содержат последующие исправления. Информация из конкретного места требует сопоставления как с другими воспоминаниями Зои Алексеевны, так и с внешними источниками, однако большинство фактов находят подтверждения. В работе использовались домашние экземпляры, копии хранятся в Государственном Архиве Нижегородской области, в личном фонде З. А. Флоринской, фонд Р-631.

он был письмоводителем и бухгалтером акцизного управления в Петрокове, имел чин титулярного советника². Мать Александры Николаевны, Магдалена Бонифатьевна, была полькой.

По воспоминаниям Зои Алексеевны можно узнать о наличии у Александры Николаевны брата Николая и трех сестер – Веры, Варвары и Анастасии. Исследование источников в Интернете позволяет обнаружить, предположительно, еще одного брата – Григория Николаевича Закутина (родился в 1878 году)³. Крайне редко бывает так, чтобы в не крупном городе представители одной национальной некоренной диаспоры имели одинаковые фамилии и отчества, близкие даты рождения и при этом не были детьми одного отца. И совершенно понятно, почему Зоя Алексеевна не писала о Григории Николаевиче в своих воспоминаниях, - он участвовал в Гражданской войне на стороне белых, был подполковником, войсковым старшиной. Мало того, он был не самым рядовым деятелем белоэмигрантского движения. Семье Александры Николаевны и ее потомкам при Советской Власти хватало проблем и без этой нежелательной родственной связи.

Если Григорий Николаевич действительно был братом Александры Николаевны, то псевдоним его сына Льва Григорьевича Закутина-Отоцкого позволяет предположить девичью фамилию Магдалены Бонифатьевны. Дело в том, что в Памятной Книжке Петроковской губернии за 1886 год на станции в Границе упоминается железнодорожный служащий Болеслав Бонифацевич Отоцкий, выпускник Петроковской гимназии⁴. Его отчество, относительно редкое (в справочных и памятных книжках Петроковской губернии попало только еще один раз достаточно пожилого человека, который не подходит по возрасту), совпадает с отчеством Магдалены Бонифатьевны. Эти совпадения по отдельности могут быть и случайными, но все вместе они скорее могут быть объяснены тем, что бабушка Льва Григорьевича, мама Александры Николаевны и сестра Болеслава Бонифацевича – это «одно и то же лицо» - урожденная Магдалена Бонифатьевна Отоцкая.

Семья Закутиных постаралась дать своим детям как минимум гимназическое образование. Скорее всего, иначе и быть не могло, это было

² *Справочная книжка Петроковской губернии на 1881 год*, издание Петроковской губернской типографии, 1880 г., с. 52; *Памятная книжка Петроковской губернии на 1886 год*, издание Петроковской губернской типографии, 1885 г., с. 67.

³ Л. Мнухин, М. Авриль, В. Лосская, *Российское зарубежье во Франции 1919-2000*, Наука, Дом-музей Марины Цветаевой, Москва 2008, с. 571.

⁴ *Памятная книжка Петроковской губернии на 1886 год*, издание Петроковской губернской типографии, 1885 г., с. 114.

правилом для того слоя общества, к которому они относились. Так, по информации из «Tydzień» и «Rozwój» Николай закончил мужскую Петроковскую гимназию в 1891 году⁵, Варвара – женскую – в 1892 году⁶, Александра – в 1899 году⁷. Данных об окончании гимназии Григорием найти пока не удалось. Однако в газете «Tydzień» от 15 апреля 1906 года Григорий Закутин упоминается уже как секретарь-референт Петроковской Губернской Рады⁸. По семейным воспоминаниям также известно, что Вера и Анастасия закончили институты благородных девиц (Вера – в Варшаве).

По окончании гимназии Александра Николаевна поступает в Санкт-Петербургский женский медицинский институт. Опять-таки строго этого утверждать нельзя, Зоя Алексеевна название института воспроизвела неточно, но она же указывает, что у Александры Николаевны было свидетельство зубного врача, – а в России такой документ выдавался женщинам в то время только этим учебным заведением. Зоя Алексеевна пишет о том, что Александра Николаевна поступила вопреки воле отца, но по правилам женского медицинского института поступить туда можно было как раз только с письменным разрешением отца и, к тому же, с гарантией оплаты обучения и содержания.

Еще один факт туманного для нас прошлого Александры Николаевны – брак с инженером-химиком Константином Ногиным⁹. По словам Зои Алексеевны, он состоялся по настоянию отца. Видимо, дело было в Санкт-Петербурге в ранние годы учебы Александры Николаевны в институте. Точных указаний на личность Константина Ногина в семейных воспоминаниях не сохранилось. Зоя Алексеевна в своих текстах называла его «фабрикантом, инженером-химиком». Более всего под это определение, при совпадении имени и фамилии, подходит профессор Константин Ильич Ногин (1870-1940 гг.), основатель и первый заведующий кафедры лесохимических производств современного Санкт-Петербургского

лесотехнического университета, разработчик ряда химических промышленных технологий. В книге А. Векслера и Т. Крашенинниковой «Такая удивительная Лиговка» упоминается дом №283 по Лиговскому проспекту

⁵ «Tydzień», №26 за 1891 г.

⁶ «Tydzień», №26 за 1892 г.

⁷ «Rozwój», №145 за 1899 г.

⁸ «Tydzień», №15 за 1906 г.

⁹ З. А. Флоринская, *Воспоминания. «О моей маме Александре Николаевне Ногиной»*, с. 2.

нынешнего Санкт-Петербурга, в котором в 1904 году одним из жильцов был Константин Ильич Ногин, как раз инженер-химик, помощник директора мыловаренного завода Жуковых, который находился неподалеку¹⁰. Такая комбинация как раз и могла восприниматься когда-то Зоей Алексеевной как «фабрикант, инженер-химик». На самом деле Константин Ильич по большей части был ученым и инженером. Он был приглашен владельцами завода Жуковыми как профессиональный химик для работ в лаборатории завода, потом, видимо, хорошо проявил себя – и потому стал, как бы сейчас сказали, «заместителем директора». В годы Советской Власти Ногин больше занимался наукой, преподавал, разрабатывал и внедрял технологии. Можно сказать, что и в дореволюционное время и при Советской Власти он был достаточно успешен.

Однако, несмотря на то, что у Александры Николаевны появилось в этом браке две дочери – Вера (около 1900-1901 гг.) и Валентина (около 1904-1905 гг.), союз был несчастлив. Она воспринимала его как жизнь «в золотой клетке», и потому через некоторое время фактически бежала от мужа со своими дочерьми.

Другой причиной этого бегства стало знакомство с Алексеем Семеновичем Флоринским, потомком старинного священнического рода и, одновременно, революционером.

В XVIII веке Флоринские служили дьяконами села Фроловского в Юрьев-Польском уезде Владимирской губернии, однако в 1837 году один из них, Марк Яковлевич, по приглашению своего дяди, архиепископа Пермского Аркадия (Федорова), переехал в Зауралье, в село Пески Шадринского уезда (теперь Курганская область), где стал фактически основателем уральской ветви Флоринских¹¹. Среди его потомков немало людей примечательных, много сделавших для науки и для России. Это, например, Василий Маркович Флоринский (1834-1899) – основатель Томского университета, один из основоположников медицинской генетики и теории акушерства; Владимир Яковлевич Кокосов (1845-1911) – врач и писатель, Александр Васильевич Флоринский (1894-?) – ветеринар, ученый-микробиолог; геолог, географ и исследователь жизни

¹⁰ А. Векслер, Т. Крашенинникова, *Такая удивительная Лиговка*, изд-во «Центрполиграф», Санкт-Петербург 2009.

¹¹ Е. В. Ястребов, *Василий Маркович Флоринский*, изд-во Томского университета, Томск 1994, с. 13-15.

и творчества Василия Марковича Евгений Вениаминович Ястребов (1923-2003) и многие другие¹².

Алексей Семенович был внуком Марка Яковлевича, он родился в селе Пески в 1876 году. Его отец, Семен Маркович (родился уже в Песках, где-то после 1837 года), умер от тяжелого простудного заболевания очень рано, в 1880 году, и его жена, Александра Алексеевна, осталась с четырьмя сыновьями на руках практически без средств к существованию. Тем не менее, благодаря поддержке многочисленных родственников и, прежде всего, Василия Марковича, всех четверых удалось вырастить и выучить¹³.

Все братья Алексея Семеновича стали священниками. Он же после окончания Тобольской Духовной Семинарии поступил в Харьковский Ветеринарный институт, где во время революции 1905 года принимал участие в студенческих волнениях. В это же время он стал членом партии эсеров. Думается, этот поворот в жизни Алексея Семеновича был совсем не так случаен, как может показаться поначалу. Семья Флоринских изначально отличалась демократическими взглядами. Уже Марк Яковлевич не гнушался крестьянского труда, сам косил, ухаживал за садом, общался, дружил с крестьянами, поддерживал их, лечил в меру своих знаний. Столь же демократичен был, например, В. Я. Кокосов – автор рассказов о Карийской каторге, где он работал врачом. Сын Ивана Яковлевича Кокосова, Иван, вообще был большевиком, устанавливал в Сибири Советскую Власть¹⁴. Пожалуй, только Василий Маркович не приветствовал революционных настроений. Еще будучи студентом, а потом и профессором, он считал, что учащийся студент принесет больше пользы, чем студент бунтующий.

Однако не только семья сделала Алексея Флоринского революционером. Многие семинарии в те годы, как ни странно, отличались внутренним бунтарским духом, и выпустили из своих дверей немало революционеров (вспомним, например, семинариста И. В. Джугашвили), не была исключением и Тобольская семинария. Поэтому уже к моменту поступления в институт Алексей Семенович, видимо, созрел для участия в революционном движении.

¹² В. П. Федотова, *Священнический род Флоринских*, Сб. «Зауральская генеалогия III», http://www.kurgangen.org/religion/pravoslavnoe/Florinsky/Florinsky_Rod/; С. Н. Черняев, *История рода Флоринских*, «Учитель музыки», 2013, №3, с. 16-26.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

Мы не знаем, как состоялась их встреча. Произошла она приблизительно в 1905 году в Санкт-Петербурге. 29-летний Алексей Семенович, решивший посвятить жизнь делу революции, ехал с товарищем на поезде в столицу Российской Империи. На одной из станций к ним подошла гадалка-сербиянка и предрекла: скоро женишься на даме с двумя детьми. Два революционных «деятели» от души рассмеялись, но слова оказались действительно пророческими: именно в эту поездку Александра Николаевна и Алексей Семенович встретились и решили больше никогда не расставаться¹⁵.

Дальнейшая судьба этой семейной пары показывает, что и Александра Николаевна сама по себе придерживалась сходных, может быть, не столь крайне революционных взглядов. И это тоже неудивительно, ведь к социальным противоречиям и административно-политическому застою, разрушавшим Российскую империю, в Польше добавлялся вопрос национального освобождения, что порождало еще более высокий антиправительственный настрой, причем не только у поляков. Как и во всей остальной России, здесь среди образованных русских были распространены идеи демократии, «хождения в народ» и, среди прочего, женской эмансипации, – и мы увидим, что фактически Александра Николаевна всю жизнь будет следовать этим идеям. И становится понятным, почему она решила так резко изменить свою судьбу. Она, как и Алексей Семенович, хотела перемен к лучшему в жизни общества.

Поначалу они бежали в Нижний Новгород к каким-то родственникам. В воспоминаниях Зои Алексеевны Флоринской в связи с этим бегством упомянут такой эпизод. Алексей Семенович случайно заметил Ногина на перроне будущего местного Московского Вокзала, видимо, в момент их приезда. Ногин был возбужден, держал руку в кармане. Флоринский догадался: там револьвер! Неизвестно, что хотел сделать преследовавший супругу муж, и Алексей Семенович предупредил начальника вокзала, что один из сошедших пассажиров может быть опасен: «Он хочет убить эту даму». Ногина задержали и, действительно, обнаружили револьвер. Преследования ему пришлось прекратить¹⁶.

Однако сложности для Алексея Семеновича и Александры Николаевны только начинались. Флоринский продолжал свою революционную деятельность и, в конце концов, был выслан на родину, в город Курган. Но и там он не прекратил борьбы, после чего был сослан в Полтаву.

¹⁵ З. А. Флоринская, *Воспоминания. «О моей маме Александре Николаевне Ногинной»*, с. 2.

¹⁶ Там же, с. 2-3.

Александра Николаевна последовала за ним. Их положение в стране с традиционными взглядами на брак было довольно двусмысленным: Ногин согласился на развод не давал, и их совместная жизнь наверняка воспринималась большинством как нечто как минимум странное или даже, скорее, постыдное.

Однако в жизни в Полтаве было минимум одно светлое пятно. Алексей Семенович сотрудничал в газете «Полтавская речь», и его корреспонденции заметил Владимир Галактионович Короленко. Они подружились семьями, и Короленко предоставил Флоринским для жилья свою дачу. Они жили под одной крышей около двух лет, и Владимир Галактионович, очевидно, оказал заметное влияние на взгляды Алексея Семеновича. В дальнейшем он попытается проводить свои взгляды в жизнь менее экстремальными методами – больше делом и собственным примером. Кроме того, Короленко хлопотал о разводе Александры Николаевны, но безуспешно¹⁷.

Примерно в 1910 году Флоринского перевели в ссылку в Волчанск, где родились их общие дети: в 1910 году – Александра, в 1912 году – Зоя, автор мемуаров о родителях и собственной жизни.

В 1913 году ссылка кончилась. Алексей Семенович вернулся в Курган, где стал работать в известном Сибирском кооперативном предприятии – Союзе Сибирских Маслодельных артелей и сотрудничать в «Народной газете» - органе правления Союза. Сначала он был секретарем правления, впоследствии – заведующим конторой в селе Камень-на-Оби. Однако в скором времени наступило разочарование. Для Алексея Семеновича кооперация была способом преобразования общества к лучшей жизни. Для организаторов Союза – родным детищем и, одновременно, коммерческим предприятием. Истинной кооперативности, демократизма в Союзе не было. Правление принимало все решения, манипулировало мнением крестьян-артельщиков, служащие Союза находились на положении обычных работников, не были членами кооператива. За попытки протестовать их изгоняли. В то же время Союз был все-таки прогрессивной для того времени организацией, играл огромную роль в экономике Зауралья. Желая улучшений в организации, Флоринский организовал «Бюро оппозиции» правлению Союза и на съезде артельщиков в начале 1915 года объявил о создании Бюро и обнародовал вскрывшиеся факты, манипуляции с задолженностями перед артелями и увольнения протестовавших сотрудников. Однако Союз находился полностью во власти правления, и у Флоринского попросту было аннулировано его свиде-

¹⁷ Там же, с. 3.

льство заведующего. А «Народная газета», в которой он совсем недавно работал, постаралась выставить Алексея Семеновича и его бюро в самом невыгодном свете¹⁸.

1917 год застает Алексея Семеновича и Александру Николаевну в Тюмени. Алексей Семенович с 1915 года работал там инспектором мелкого кредита и состоял членом кооператива «Пчела»¹⁹, а Александра Николаевна, под своей прежней фамилией Ногина была известным в городе зубным врачом²⁰.

Февральская революция вносит значительные перемены как в жизнь всей страны, так и в жизнь Алексея Семеновича и Александры Николаевны. К этому времени они оба уже состоят членами Тюменской ячейки РСДРП (м). В июле 1917 года меньшевики совместно с эсерами выигрывают выборы в городскую думу. Один из депутатских мандатов получает и зубной врач Ногина. Другим итогом этих выборов стало избрание Алексея Семеновича главой города Тюмень²¹.

В этот момент победители, конечно же, находились в состоянии хотя бы небольшой, но эйфории. Они получили шанс воплотить свои идеалы в жизнь! Но эта самая жизнь, как мы знаем, распорядилась по-другому. Чтобы не расписывать поэтапное падение России в разруху и Гражданскую Войну, напомним самые важные события. В августе Временное Правительство теряет контроль над страной, разрушаются административные и хозяйственные связи, прерываются поставки товаров, продовольствия, повсеместно начинаются погромы, грабежи, падает дисциплина в армии. 25 октября (7 ноября) большевики свергают Временное Правительство. В марте 1918 года большевики первый раз захватывают Тюмень. Флоринского свергают с поста главы города. 20 июля город переходит в руки Белой Сибирской армии и Сибирского Правительства адмирала А. В. Колчака, которое восстанавливает органы власти на местах в прежнем виде. 8 августа 1919 года в город снова входит Красная Армия, и с этого момента Тюмень окончательно переходит под контроль Советской Власти.

¹⁸ «Народная газета», орган правления Союза Сибирских Маслодельных артелей, г. Курган, №14 за 1915 г., с. 26-27.

¹⁹ А. В. Вычугжанин, *Малоизвестные страницы деятельности А. С. Флоринского*, «Вестник Тюменского Государственного университета», 2010, №1, с. 77; А. А. Кононенко, *Тюмень на перепутье: власть и общество в 1917–1921 гг.*, изд-во Тюменского государственного нефтегазового университета (ТюмГНГУ), Тюмень 2009, с. 16.

²⁰ А. А. Кононенко, *Тюмень на перепутье...*, с. 171.

²¹ З. А. Флоринская, *Воспоминания. «О моей маме Александре Николаевне Ногинной»*, с. 4; А. А. Кононенко, *Тюмень на перепутье...*, с. 38.

Я не буду описывать также ту нарастающую разруху, разложение общества и морали, которые сопутствовали этим переменам в жизни тюменчан и всей страны, остановлюсь только на эпизодах, касавшихся лично Александры Николаевны и Алексея Семеновича.

Как глава города Алексей Семенович в сложившихся условиях пытался оберегать принципы демократического самоуправления города, по возможности облегчить жизнь горожан и предотвратить то, что можно предотвратить. Так, осенью 1917 года ему удалось добиться закрытия спиртового завода и срочной распродажи запасов спирта с казенных складов. Иначе Тюмени, как и многим другим городам России в то время, например, соседнему Шадринску, грозили бы массовые пьяные погромы с многочисленными жертвами. Количество спирта и, тем более, водки, полученной из него, было огромным. Ее пришлось продавать даже в соседних регионах. Городская управа продолжала работать практически в любых условиях, иногда под дулами винтовок и револьверов. В это время, например, была замощена значительная часть центра города²².

Сейчас часто пишут об ужасах, творимых Красной Армией во время Гражданской войны, и события, происходившие в Тюмени во время первого и второго захватов города большевиками, свидетельствуют об этом. Однако ожесточение в то время было обоюдным. И при Колчаке «мирная» жизнь была довольно непростой, о чем свидетельствует следующий эпизод из воспоминаний Зои Алексеевны, подтвержденный Тюменским историком Анатолием Кононенко.

13 марта 1919 года в Тюмени (напомню, Флоринский снова был в должности городского головы) произошло так называемое «восстание призывников». Часть мобилизованных в Сибирскую Армию – по разным причинам – не хотели служить в ней. Оно было подавлено, активные его участники были арестованы, а часть – расстреляна. Затем были проведены аресты лиц, якобы «подозреваемых» в подстрекательстве к восстанию. Среди них оказались меньшевики Н. Авдеев и его жена О. Дилевская. Они были друзьями и соратниками Алексея Семеновича. Авдеев редактировал вместе с ним и еще одним меньшевиком, Г. С. Малкиным, газету Тюменских меньшевиков – «Рабочую правду».

В тот же день вечером Авдеев и Дилевская с группой других «подозрительных лиц» были конвоированы в район Базарной площади, и расстреляны якобы при попытке к бегству. Дилевская была убита, а Авдеев ранен и сумел выжить. По разным источникам, он или сам сумел выбраться с места расстрела в сумерках, или Алексей Семенович, также

²² А. А. Кононенко, *Тюмень на репутье...*, с. 97-98.

в сумерках, вышел его искать и обнаружил раненым. Как бы там ни было, Авдеев оказался дома у Флоринского, и той же ночью был им перепрятан.

Наутро Алексей Семенович собрал экстренное заседание Городской Управы, на котором рассказал о происшедшем и предложил оповестить о случившемся все городские и уездные власти, включая прокурора, а также представителей верховной власти Сибири. Обедать он вернулся домой.

Следом за ним пришли военные, чтобы найти Авдеева и арестовать Алексея Семеновича. Однако незадолго до их прихода Флоринских предупредили. Алексей Семенович успел добежать до входной двери и встать за ней, а Александра Николаевна сняла со стола его столовый прибор и отодвинула стул к стене. В дом ворвался офицер и, открыв дверь, тем самым спрятал Алексея Семеновича. Потом поставил у входа часового и спросил: «Где Флоринский?» Александра Николаевна сказала, что он не пришел к обеду. Солдаты перевернули весь дом, но Алексея Семеновича не нашли. В это время все дети сидели за столом и с ужасом смотрели на входную дверь, где прятался отец. Среди них была, конечно, и Зоя Алексеевна, описавшая эту сцену в своих воспоминаниях, а также родившийся в 1918 году годовалый Алексей Алексеевич! В конце концов, Александра Николаевна под предлогом того, что дети слишком напуганы, попросила военных выйти и поставить часового снаружи²³.

Алексею Семеновичу удалось скрыться только ночью. Однако на этом история не кончилась. Когда власти разобрались с самоуправством военных, и угроза жизни Флоринского и Авдеева миновала, Авдеев сдался властям и был положен в госпиталь. Семья Флоринских в это время взяла к себе его дочь, Иру. Напомню, это был март 1919 года. В августе город заняли красные и Флоринские ушли с Сибирской Армией, а госпиталь был переведен в Тобольск. Зимой 1919 года они приняли решение вернуться. И только потом из Тобольска вернулся Авдеев. Все это время у Александры Николаевны и Алексея Семеновича на руках была его дочь!

Поначалу Алексей Семенович устроился преподавать на курсах счетоводов, а Александру Николаевну новые власти назначили заведовать создаваемой с нуля амбулаторией. Происходило это в условиях жутчайшей антисанитарии, разрухи, все нарастающих проблем с продовольствием, отсутствием не то что медикаментов или даже бинтов, ваты и марли, но и попросту водопровода. Не было поначалу и никакого персонала,

²³ З. А. Флоринская, *Воспоминания. «Воспоминания об отце»*, с. 7.

и Александра Николаевна сама была и начальником, и врачом, и бухгалтером²⁴.

Между тем Советская Власть разобралась, кто такой Флоринский. Его арестовали и посадили в тюрьму.

После этого семья прожила тяжелейший 1920 год. Чтобы как-то прокормиться, раскопали тупик одной из улиц и посадили там картошку. Осенью, когда собирали урожай, Зоя упала на ботву и не смогла подняться. У нее обнаружилась дифтерия. Девочка опухла и тяжело дышала. У нее начали холодеть руки и ноги. Но Александра Николаевна никогда не опускала рук. За год до этого во время отступления с белыми она спасла жизнь заболевшей тифом Вале. Теперь она велела девочкам взять щетки и непрерывно растирать Зое руки и ноги, поддерживая кровообращение. Каждый день больной дважды делали горячие ванны, воду таскали из реки Туры (Тюмень стоит на ее высоком берегу)²⁵. Зоя выжила, и мама навсегда стала для нее и сестер примером стойкости и решительности. В годы Второй Мировой войны сама Зоя Алексеевна так же спасла свою тяжелобольную дочь Таню, выпросив в госпитале немного пенициллина.

К 1921 году непрерывными войнами и революциями, неумелыми действиями Временного Правительства и еще более неумелыми – большевиков страна была доведена до тяжелейшего положения. И тогда большевики объявили Новую Экономическую Политику. Стали возможны частные предприятия и торговля.

Период НЭПа был временем относительного благополучия в семье Флоринских. Александра Николаевна завела частную практику, Алексей Семенович был освобожден, работал в Гублескомс сначала счетоводом, а потом заведовал там плано-экономическим отделом. И еще брал на дом частную работу, часто сидел над бумагами допоздна. Несколько лет семья прожила вполне счастливо, растила детей. Перебрались в Омск, чтобы Александра-младшая смогла учиться в местном Медицинском институте²⁶.

И тут наступил 1929 год. Иосиф Виссарионович Сталин взял курс на коллективизацию и сворачивание НЭПа. Алексей Семенович видел, что происходит с налаженной за столетия структурой экономики Сибири (к созданию которой он приложил руку и как кооператор, и как инспектор

²⁴ З. А. Флоринская, *Воспоминания. «О моей маме Александре Николаевне Ногиной»*, с. 5.

²⁵ Там же, с. 6.

²⁶ З. А. Флоринская, *Воспоминания. «Быль жизни»*, часть I, с. 21.

мелкого кредита Государственного Банка), пытался бороться на местном уровне, но это, естественно, ничего не решало. Тогда он не выдержал, написал письмо товарищу Сталину об экономической нецелесообразности коллективизации. Конечно же, это закончилось арестом²⁷. Флоринский был арестован 27 января 1929 года, а 10 мая уже был приговорен по ст. 58 пп. 10-13 к трем годам ссылки «за участие в контрреволюционной деятельности»²⁸. Ссылку он отбывал в Казахстане, в Петропавловске.

И Александра Николаевна снова, как и в 1906 году, отправилась за ним. Как жена врага народа она была уволена из поликлиники, продала дом в Омске и вместе с 11-ти летним сыном Алексеем и дочерью Зоей (Александра, Валентина и Вера учились и работали) переехала к мужу в Петропавловск. Всю ссылку Алексей Семенович работал бухгалтером. Каждый вечер он ходил отмечаться в комендатуру. Александра Николаевна купила дом, устроилась в местную больницу и стала получать по карточке 400 грамм хлеба. Первое время семья голодала. Потом они развели огород, купили корову и, пусть их жизнь и не была сладкой, голод был им уже не страшен. Но все это время они жили в довольно тяжелой атмосфере, под надзором, в относительной изоляции. В 1931 году к ним стали приезжать дочери, которые теперь учились в ВУЗах. Во многом им помогали отношения внутри семьи, взаимная поддержка.

Однако все усложнилось в 1932 году. Алексей Семенович был освобожден, но остался в Петропавловске. Стало ясно, что он, человек с клеймом контрреволюционера, мог осложнить жизнь своим детям, – им могли перекрыть все возможности нормально жить и работать. И тогда они приняли решение, что разведутся. Не вполне понятно, правда, когда же они официально зарегистрировались, ведь еще в Тюмени Александра Николаевна оставалась зубным врачом Ногиной. Парадокс в том, что развод был формальностью, а жить продолжали все вместе. В этих условиях отношения между Алексеем Семеновичем и остальной семьей становились все более холодными.

Примерно в то же время у Александры Николаевны обострился туберкулез. Мы не знаем точно, когда она заболела этим неизлечимым в те годы заболеванием, но очевидно, что ни годы Гражданской Войны, ни ссылка в Казахстане не могли способствовать облегчению ее состояния. В 1933 году она была вынуждена покинуть мужа и уехать к дочери Александре, которая в тот момент работала врачом в Лукояновской районной больнице тогда еще Нижегородской (а потом Горьковской)

²⁷ З. А. Флоринская, *Воспоминания. «Воспоминания об отце»*, с. 8-9.

²⁸ *Книга Памяти Новосибирской области*, <http://lists.memo.ru/d34/fl51.htm>.

области. Здесь, на ее руках она и скончалась 20 февраля 1934 года²⁹. Каковы бы ни были отношения в семье в тот момент, для всех это была очень тяжелая потеря, ведь она сделала так много для всех них, не раз попросту спасала их жизни.

Жизнь Александры Николаевны была очень и очень нелегкой. Конечно, и время было нелегким. Но, по большей части, она сама выбрала эту судьбу, эту бесконечную борьбу за свои идеалы. Мало того, она была готова к ней. Она была решительна и сильна. С годами черты ее лица становились более мужественными, испытания закаляли ее. Но всему есть свой предел. И все-таки это была удивительная женщина, и было удивительным многое из того, что она смогла сделать в своей жизни. Одна только география мест ее жительства впечатляет: Петроков – Санкт-Петербург – Курган – Полтава – Волчанск – Курган – Камень на Оби – Тюмень – Омск – Петропавловск – Лукоянов. Многие и многие тысячи километров. Она действительно совершила «путешествие длиной в жизнь».

Алексей Семенович в 1937 году вышел на пенсию и переехал жить в Горький (Нижний Новгород), поскольку здесь уже жили его дочь – Александра и Вера, дочь Александры Николаевны от брака с Ногиним. Сюда же постепенно перебрались и остальные дети. Он умер в 1956 году, так и не приняв Советской Власти³⁰.

Все их дети получили хорошее образование. Вера и Валя Константиновны, Александра Алексеевна стали врачами; Александра Алексеевна также преподавала в Горьковском мединституте. Зоя Алексеевна закончила Томский университет, стала кандидатом физико-математических наук, всю жизнь проработала преподавателем – сначала в Томске, а с 1945 года – в Горьком, в Институте Инженеров Водного Транспорта. Алексей Алексеевич по образованию – инженер-химик, работал на химических предприятиях г. Дзержинска. Большинство потомков Александры Николаевны и Алексея Семеновича живут в Нижнем Новгороде.

Как уже говорилось, мы мало знаем о судьбах родственников Александры Николаевны, и многие сведения требуют уточнения. Известно, что две ее сестры, скорее всего, Вера и Анастасия, приняли участие в воспитании сына Веры Константиновны Вадима (до сих пор живет в Нижнем Новгороде). Замужняя фамилия Веры Николаевны была Федяй. Мы знаем это по подписи на сохранившейся семейной фотографии

²⁹ З. А. Флоринская, *Воспоминания. «Быль жизни»*, часть III, с. 47.

³⁰ З. А. Флоринская, *Воспоминания. «Быль жизни»*, часть VI, с. 79.

Закутиных (см. «Приложение», фотография 2). Федяй – это также семья русских Петроковских чиновников. В Памятной книжке Петроковской губернии на 1886 г. упоминается надворный советник Никита Никитич Федяй, возглавлявший юридическое отделение губернского правления³¹. Очевидно, ее супругом был кто-то из его потомков.

Григорий Николаевич Закутин (1878-1951) (если он был братом Александры Николаевны), как уже говорилось, – участник белого движения, – какое-то время был представителем Белой Армии при правительстве Польши, а в 1926-м году – делегатом Русского зарубежного съезда в Париже от Гданьска. Впоследствии он был выслан из Польши и обосновался под Парижем, в Клиши. Его сын, Лев Григорьевич Закутин (1905-1977?), по псевдониму Отоцкий, нередко упоминается как самый известный уроженец города Петроков – философ, экономист, филолог, писатель, профессор университета Сорбонны³².

Николай Николаевич Закутин закончил Петербургский институт инженеров путей сообщения, жил в Санкт-Петербурге, до революции был крупным инженером-путейцем³³. При Советской Власти также был ведущим инженером, работал в трамвайном управлении Ленинграда, выезжал в Германию для изучения опыта, участвовал в восстановлении и реорганизации трамвайного хозяйства города. Умер во время блокады. Годы его жизни 1871-1942³⁴.

Автор статьи, потомки Александры Николаевны будут благодарны за любую информацию о жизни семьи Закутиных в городе Петроков, за советы по поиску такой информации, а также за возможные поправки и уточнения к статье.

³¹ *Памятная книжка Петроковской губернии на 1886 год*, издание Петроковской губернской типографии, 1885 г., с. 9.

³² Л. Мнухин, М. Авриль, В. Лосская, *Российское зарубежье во Франции...*, с. 571.

³³ З. А. Флоринская, *Воспоминания. «О моей маме Александре Николаевне Ногоиной»*, с. 1.

³⁴ *Блокада, 1941-1944. Ленинград: книга памяти* / [редкол.: пред. Шербаков В. Н.], С.-Петербург, «Нотабене», 1998-2006, Т 10, http://qalco.ru/search/lists/blkd/231_99.html.

Summary

The fate of Aleksandra Nikolaevna Zakutina (Nogina, Florinskaya) the native of Piotrkow.

In this article one observes story of Piotrkow's native, Aleksandra Nikolaevna Zakutina (1881-1934). Her father was Russian official, mother was Polish. She was strong determined woman with democratic convictions, may be emancipated a little. She has medical education. Her second husband, Aleksey Semenovich Florinsky (1876-1956) was Russian socialist-revolutionary. In 1917, after Februaries Revolution, he was elected head of Tumen the town. Aleksandra Nicolaevna was deputy of Tumen's City Duma. Later Tumen was captured by Red Army, after that by White Sibirian Army and after that by Red Army again. Family of Florinsky was in dangerous situations for several times, and determination of Aleksandra Nikolaevna helped them to escape serious dangers. Because of A.S. Florinsky's convictions he was in exiles twice - before revolution and after it. Aleksandra Nikolaevna supported him in any situation and followed him anywhere. Her life likes a big travel, she lived in different places from Piotrkow to Kamen-on-Ob-River and from St-Peterburg to Petropavlovsk in Kasakhstan. Descendants of Aleksandra Nikolaevna Zakutina live in Nizhniy Novgorod.